

УДК 1(47+57)(082)
ББК 87.3(2)
И 43

Э.В. Ильенков и позитивизм. Материалы семинара, посвященного памяти Э.В. Ильенкова / Под ред. доктора философских наук, профессора С.Н. Мареева. М.: Изд-во СГУ, 2010. 169 с.

ISBN 978-5-8323-0707-7

В сборнике помещены материалы ежегодного методологического семинара, продолжающие философские традиции, заложенные Э.В. Ильенковым.

УДК 1(47+57)(082)
ББК 87.3(2)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
<i>С.Н. Бычков</i> Диалектика и математика: Ильенков и Лакатос	9
<i>Г.В. Лобастов</i> Язык в культурно-смысловом пространстве	19
<i>В.А. Лазуткин</i> Позитивизм и проблема идеального	41
<i>С.З. Гончаров</i> От финансовых пирамид к «пирамидам» значений	56
<i>Ж.В. Котов</i> К проблеме осмысления стратегии общецивилизационного развития	69
<i>Д. К. Куликов</i> Диалектико-материалистическое понимание мышления и зоологический редукционизм	74
<i>П.В. Павлов</i> Истина как единство идеального и реального	86
<i>О.Ф. Иващук</i> Э.В. Ильенков и Э. Мах: подступы к проблеме «Я»	93
<i>В.И. Пернацкий</i> Философское познание и позитивные науки	104
<i>М.Б. Ширман</i> Позитивизм: редукция предмета и утрата смысла	113
<i>Н.К. Попадюк</i> Коллективно-групповые субъекты деятельности в диалектике производительных сил и производственных отношений	123

ISBN 978-5-8323-0707-7

© Издательство СГУ, оформление, 2010
© Современная гуманитарная академия, 2010

Диалектико-материалистическое понимание мышления и зоологический редукционизм

Д.К. Куликов
(Таганрог)

Как отмечал П.В. Копнин, позитивизм проникает в философию через обобщения, полученные в конкретных науках и берущие на себя статус готовых философских категорий [1, с. 427]. Это соответствует принципу позитивизма: «наука сама себе философия». Принцип этот должен был распространяться и на познание человека и его мышления. Признавая необходимость изучения «умственной деятельности» в ее становлении, О. Конт одновременно указывал: «основной характер позитивной философии выражается в признании всех явлений подчиненными неизменным естественным законам, открытие и сведение числа которых до минимума и составляет цель всех наших усилий, причем мы считаем, безусловно, недоступным и бессмысленным искание так называемых причин как первичных, так и конечных» [2, с. 559].

Одной из тенденций в развитии позитивизма стала биологизация познания. У Р. Авенариуса и Э. Маха познание приобрело статус биологического события, стремящегося к «экономному», «естественному» восприятию мира. Есть в этом понимании и социальное измерение: общество становится чем-то феноменальным, а общество образует форму, искажающую «экономное» восприятие мира и утверждения о нем. Человек взаимодействует с миром как биологический индивид, в отношении него нельзя говорить о разделении «внешнего» и «внутреннего», тела и души.

Через сто лет после контовского «Курса позитивной философии» Л.С. Выготский напишет: «Итак, два типа деятельности, которые должен принципиально различать психолог, - это поведе-

ние животного и поведение человека; деятельность, являющаяся продуктом биологической эволюции, и деятельность, возникающая в процессе исторического развития человека» [3]. Он укажет две крайние ложные позиции в понимании природы высших психических функций: зоологический редукционизм, сводящий специфику человеческого поведения и психики к животным корням, и спиритуализм, объявляющий возникновение речевого мышления у ребенка исключительно таинственным духовным актом [3, с. 21]. Отрицание редукционизма - один из важных принципов диалектического подхода в психологии. Его хорошо сформулировал А.Н. Леонтьев: переход от животного к человеку «совершается прежде всего в форме изменения самой жизни, в форме прежде всего появления новой формы жизни, нового отношения к действительности, новой формы связи с природой» [4, с. 52]. Отношение между мышлением и действительностью является в таком подходе главной философской проблемой, что и подчеркивал Э.В. Ильенков, считая ключевой стороной этого вопроса отношение между бытием и общественным сознанием.

Такие категории как «речь», «сознание», «культура» и, конечно же «мышление» всегда лежали в основе теоретического самопознания человека. Затруднения возникли вместе с лавиной данных о языковых и трудовых способностях антропоидов, когда этология и социобиология стали указывать на биологическое в человеке там, где до сих пор виделось исключительно культурное. Нетрудно понять, например, что использование термина «культура» для характеристики этапов палеолита (например, «Олдувайская культура», относимая к жизнедеятельности *Homo habilis*) теряет свою понятийную ясность после признания того факта, что применение орудий в животном мире - явление вполне распространенное. Возникает проблема: считать ли наше понимание культуры как атрибута человека недостаточно глубоким, или признать, что традиционные предпосылки культуры, такие как «труд», «идеальное», «символизм», «разум» вполне применимы к жизни животных, и нет повода считать род *Homo* чем-то привилегированным в этом отношении. Обладает ли понятие «культура» каким-то существенным содержанием, или же от него можно избавиться как от слишком неопределенного термина, нагруженного противоречием?

Похожая ситуация складывается и вокруг понятия мышления. Широко используются термины «элементарное мышление животных», «первобытное мышление», «мифомышление», «эмпирическое мышление» для обозначения форм, предшествующих «теоретическому мышлению». При этом определение мышления остается по сути формальным (оно есть опосредствованное отражение существенных сторон реальности в процессе познания) или картезианским (мышление как внутренний, в той или иной степени осознанный психический процесс). Вопрос, однако, в том, каков конкретно-всеобщий механизм опосредствования, лежащий в основе мышления¹. Подход, предложенный Э.В. Ильенковым, напрямую увязывает мышление с понятийным отражением действительности, где понятие противостоит представлению и эмпирическому обобщению, рассудочным формам. При этом именно в обществе понятия усваиваются человеком раньше, чем навыки эмпирического взаимодействия. Ключевую роль здесь играет общение и слово.

Отмечалось, что в любой культуре и в психике человека функционируют гетерогенные по своему происхождению типы вербального мышления [5]. Эта гетерогенность отражает различные исторически возникающие виды материальной практики, продуцирующие определенные типы умственной деятельности, причем не как застывшие формы, а как живое содержание индивидуальной психики и «ткань» общения. Закономерно, поэтому, что культурно-психологические исследования подтверждают зависимость структуры познавательных процессов, мышления в целом от уровня культурно-исторического развития общества [6]. С диалектической точки зрения эмпирическое мышление возможно как отражение эмпирической действительности с высоты имеющегося в сознании понятия. С какого уровня отражения, однако, мы можем говорить о наличии в сознании *понятия, а не только рассудочной*

¹ Показательна статья В.П. Зинченко «Возможны ли целостные представления о мышлении?» (Психологическая наука и образование. 2001. № 2). В ней автор признает, что мышление как реальность целостно, что действие, образ, слово, чувство есть языки мышления, что мир деятельности - это та сфера, из которой может быть понята целостность мышления и его сторон (рассудка, разума, эмпирического и теоретического). Однако разработку этого понимания Зинченко оставляет будущему и не дает ответа на вопрос, что же конкретно является определяющим признаком мышления.

формы, сложные измерения которой также формируются социальными связями?

Э.В. Ильенков дал философское определение связи мышления и понятия: *рассудочные абстракции не есть формы мышления, не понятия, а лишь представления, и как таковые не выходят за эмпирическую ступень познания* [7, с. 25]. В другой работе он пишет: «...нет и не может быть специфически человеческого (то бишь диалектического) мышления там, где нет исследования природы «самих понятий». Именно в этом качестве мышление становится разумным, «в то время как до этого оно не выходит за рамки тех форм, которые свойственны уже психике развитого животного (за рамки [так называемых] «рассудочных» форм)». «До этого и без этого специфически человеческого мышления еще нет. Есть лишь формы психики, составляющие его доисторическую предпосылку, т.е. общие и человеку, и животному формы «стадного» сознания. И последней (высшей) фазой развития этого «стадного» сознания выступает как раз религиозно-мифологическое миропонимание, в критическом преодолении которого и возникает специально человеческое мышление и философия как орган его самосознания» [8, с. 66-67].

Известные опыты Л.С. Выготского и Л.С. Сахарова показывают, что понятие возникает, когда в сознании образуется алгоритм действия, которым можно воспроизвести предметную ситуацию так, как она была сформирована *вначале*, исходно. Мышление предполагает разделение сознанием *процесса построения деятельности и процесса построения модели этой деятельности* и подчинение деятельности ее модели. Вне этого разделения лежит использование или стихийно возникающих схем, или схем, приобретенных благодаря обществу и культуре. Поэтому необходимым условием мышления является предварительное усвоение уже выработанных моделей предметной деятельности. В основе этого усвоения лежит механизм *социальной рассудочной деятельности*, умение ориентироваться в пространстве общения, подражать образцу, применять его.

Идя через анализ развитой формы мышления, познание может двинуться от образа этой одной его формы к обогащению знания конкретным содержанием всего его исторического пути, от генезиса до современности, синтезируя все конкретное многообразие связей, в которых мышление существует и развивается. Этот принцип

использовал Э.В. Ильенков, выделив в отношении научно-теоретического и обыденного мышления три момента: 1) и то, и другое мышление *доступно изучению логикой как наукой*; 2) и то, и другое мышление *протекает по одним законам*; 3) *«научно-теоретическое мышление есть наиболее развитая форма мышления»*, в нем легче выявить эти законы [7, с. 70].

В этом контексте изучение онтогенеза позволяет выявить действительные условия развития высших психических функций. В исследованиях высветилось *противоречие онтогенеза психики*: ребенок, рождаясь от существа, обладающего мышлением, не наследует само мышление, а должен его развить, опираясь на определенные предпосылки. Мышление как особая форма сознания возникает каждый раз заново, требуя, следовательно, постоянного воспроизведения действующих на этот процесс причин. Где эти причины: *в мозге или в культуре?*

Одним из новейших примеров биологизации мышления средствами зоопсихологии с выходом в психогенетику является работа З.А. Зориной и И.И. Полетаевой «Зоопсихология. Элементарное мышление животных» [11]. Книга посвящена, как указывается уже в аннотации, «элементарному мышлению, или рассудочной деятельности - наиболее сложной форме поведения животных». Рассудок здесь напрямую отождествляется с мышлением. Авторы подчеркивают, что они развивают идеи Л.В. Крушинского, хотя сам Крушинский не делал такого отождествления и характеризовал поведение животных определенно: «элементарная рассудочная деятельность» [9]. С теоретической стороны Зорина и Полетаева опираются на идею «инсайта» В. Келера, видевшего у обезьян способность к «решению» задач, и предложение Н. Ладыгиной-Коте отбросить неопределенные термины «рассудок», «ум» и др., и в применении к животным использовать термин «мышление» [10, с. 175]. Показательна в этом вопросе та характеристика, которую авторы книги дают мышлению: «Мышление животных - не просто способность к решению той или иной задачи. Это *системное свойство мозга* (курсив мой - Д.К.), причем чем выше филогенетический уровень животного, ... тем большим диапазоном интеллектуальных возможностей оно обладает» [11, с. 175]. И хотя Зорина и Полетаева стремятся сохранить единство мышления и понятийного отражения действительности,

объясняют они механизм образования понятий вполне прозрачно: «Умение связывать незнакомый знак с *обобщенным представлением* о классе реальных явлений или предметов означает, что в коре головного мозга животного складывается механизм образования понятий. Это могут быть не более чем «предпонятия» или «протопонятия», но тем не менее они не просто аналоги конкретных представлений (работающие в рамках первой сигнальной системы), а уже целые «*смысловые схемы*» и «*обобщенные образы*» [11, с. 62]. Обобщенный образ - вот зоопсихологический критерий «понятия», хотя от Л.С. Выготского до В.В. Давыдова и Э.В. Ильенкова настойчиво подчеркивается требование не путать обобщение вообще с понятийным обобщением. Понятие даже на эмпирическом уровне обобщает только существенные, а не просто схожие признаки предметов.

Такая зоопсихологическая интерпретация мышления пытается вывести механизмы опосредствования понятийного отражения предметности из свойств мозга, а также из умения приматов оперировать знаками и усваивать элементы языка. В этом случае реализуется схема «довербальное мышление-речь-речевое мышление», при котором слово понимается как продукт обобщения, т. е. операции мышления [12, с. 146-149]. Однако при этом упускается из виду, что становление речи, как в онтогенезе, так и филогенезе, это вовсе не направленный, непрерывный переход «мышления» к новому своему качеству. Данные свидетельствуют, что этот момент в развитии изначально есть отступление назад, отрицание.

Значение речи как инструмента перестройки всех высших психических функций подробно описано Л.С. Выготским. Эти же процессы исследовал А. Валлон, утверждавший, что речь, вторгаясь в поведение ребенка, закрывает путь дальнейшей дифференциации ситуативного практического интеллекта и делает возможным становление мышления [13, с. 90]. В применении к антропогенезу эта идея была развита Б.Ф. Поршневым в концепции суггестивного взаимодействия как периода перехода от палеоантропов к *Homo sapiens*, в итоге которого только последний обрел *возможность развития мышления в онтогенезе* [14]. К. Бюлер указывал, что в среднем возрасте ребенок совершает *скачок* от ранних форм поведения к освоению новых. Он оставляет схематизм изобразительной деятельности

и без целенаправленных усилий его художественные способности сводятся к освоению письма. Язык - это первое, что портит способность к рисованию и впоследствии поглощает ее полностью [15, р. 119-120]. Схема - это продукт интеллектуального развития, реалистический образ же коррелятивен простому восприятию. Изучение феномена изобразительных способностей аутичной девочки Нади [16] привело Н. Хамфри к заключению: реалистичность ее изображений сопоставима с палеолитическим пещерным искусством и имеет общие с ним причинные основания - отсутствие речи и мышления. Появление палеолитического искусства - «лебединая песня» животной формы восприятия, а вовсе не признак пробуждения разума [17, р. 165].

Филогенез и онтогенез - два важнейших плана психологии. «Но есть еще третий план развития, который гораздо меньше, чем эти, вошел в общее сознание психологов и который отличается глубоким своеобразием по сравнению с этими двумя типами развития, - это развитие историческое» [18, с. 67]. И для Э.В. Ильенкова главный вопрос - это именно вопрос об отношении общественного сознания к миру вне его. Общественное сознание качественно отлично от индивидуального, оно и есть исторически развивающаяся духовная культура человечества [19, с. 40]. Вопрос же об отношении индивидуального сознания к мозгу и органам чувств - проблема позитивизма.

Но может быть мы преувеличиваем уникальность человека там, где правомерно говорить и о «культуре раскалывания орехов» у шимпанзе, о системе «социальных отношений» у термитов и муравьев, бабуинов и горилл? Вот и сегодня обсуждается явление социального интеллекта или социального сознания. Определение этого термина (*social intelligence*), введенного применительно к поведению людей Э.Л. Торндайком, упомянутые зоопсихологи переносят на шимпанзе: «социальное сознание» обезьян есть «особая грань процесса мышления животных (*social cognition*), которая проявляется в способности учитывать поведение сородичей — совершаемые ими действия и их последствия» [11, с. 110].

То, что человеческая форма социальности возникает не как надстройка над стадно-биологической, а проходит через этап ее разрушения и выработку иных, отрегулированных запретами, форм

межгруппового обмена и внутригруппового общения, хорошо известно антропологам. Но важно не это. Более 10 лет назад был вычислен нейрофизиологический «х» имитационного поведения благодаря открытию в мозге макак системы «зеркальных нейронов» (зона F5). Открытие позволяет утверждать: так называемое «понимание» обезьянами действий объяснимо на основе этого нейрофизиологического механизма без привлечения категорий сознания и мышления [20]. Среди основных функций «зеркальной системы» авторы открытия указывают:

- обслуживание наблюдения действий;
- обслуживание совершения таких же действий;
- превращение визуальной информации в способ поведения.

Данная система лежит в основе эхологических, эхомимических и имитативных реакций и, вероятно, эволюционно предшествует зоне Брока человека.

То, что культурное наследование использует уже иные средства выработки и трансляции форм человеческого поведения также известно. Хотя культура востребует имитацию, но не имитация движет культуру. «Сознание есть ... *высшая* форма отражения, форма *специфически человеческая*, возникающая в ходе исторического развития, в результате перехода к специфически человеческому образу жизни — к жизни в обществе, к *общественным отношениям*» [4, с. 27]. Эта специфика общественных отношений отчетливо определена Э.В. Ильенковым, который утверждал, что представление об идеальном как образе и отражении «одного материального тела в другом материальном теле» [21, с. 213], есть домарксистское, и разъяснял, что без доведения материализма в этом вопросе до истории, идеальное «не могло быть понято как результат и деятельная функция трудовой, чувственно-предметной деятельности общественно-человека, как образ внешнего мира, возникающий в мыслящем теле не в виде результата пассивного созерцания, а как продукт и форма активного преобразования природы трудом поколений...» [21, с. 213]. И далее: «все без исключения общие образы рождаются не из всеобщих схем работы мышления, ... а формируются в процессе практически-предметного ее преобразования человеком, обществом. Они возникают и функционируют как формы общественно-человеческой детерминации целенаправленной воли отдельного

лица, т.е. как формы активной деятельности. Причем общие образы откристаллизовываются в составе духовной культуры совершенно непреднамеренно и независимо от воли и сознания отдельных людей, хотя и посредством их деятельности» [21, с. 214]. Принципа активности еще недостаточно, чтобы говорить о психике, тем более мышлении. Надо видеть специфику социальной формы активности, чтобы понять те условия взаимодействия организма и среды, при которых это взаимодействие становится идеальным, мыслящим.

Предмет не является непосредственной причиной того образа, который строится мышлением, как и причиной способа этого построения. И образ, и механизм его построения опосредствуются системой социальных отношений, по логике которых предмет оказался доступен сознанию, в формах, в которых он вовлечен в жизнедеятельность человека. Реально существует два полюса абсолюта сознания: состояние общества и состояние мозга. Мозгу в всех людях от природы в норме одинаков, а вот общество раскрывает для людей действительность не одинаково. Здесь проявляется социальная функция общения и речи, через которую обнажается противоречие между культурно-опосредствованным образом в сознании и материальной реальностью, в которой развивается деятельность человека. Слово с самого начала подчиняет себе сознание и деятельность, только из их синкретизма выделяется мышление как способ его преодоления.

Должны ли мы постулировать наличие у человека мышления на заре его становления, то качество, которое иные зоопсихологи обнаруживают уже у шимпанзе? Вовсе необязательно. Чтобы сверлить ракушки, делать бифасы и совершать ритуалы достаточно трех условий: тесного общения, минимума речевого (и даже праречевого) инструмента для взаимной регуляции поведения и развитого нейрофизиологического механизма имитации. Тут еще нет идеального как осознанного элемента деятельности. Идеальное здесь намечено в той мере, в какой изготовление примитивных орудий труда позволяет человеку выделиться из природы. Долгое время он ходит у нее в рабстве. Но этот раб вооружен орудием труда, ему предстоит вышелушить идеальное изнутри своей деятельности.

Остается вопрос: *когда появилось мышление?* В развитом обществе процесс формирования навыков логического мышления у ре-

бенка завершается к 12-15 годам. Это значит, что мыслить, т.е. осознанно оперировать имеющимися в его распоряжении понятиями, он начинает лишь с определенного возраста. До этого он находится в социальной среде, осваивает речь и формы социального поведения, но еще не является субъектом мышления. Свобода, самостоятельность деятельности - условие мышления индивида.

Общество и культура, хотя и образуют необходимые предпосылки мысли, также не сразу преобразуют психику человека в форму мышления. Общество должно пройти определенный период своего развития прежде, чем оно сможет выделить идеальное в качестве условия и объекта сознания, *родить деятельность мышления*. Коллективное архаическое сознание - это первая форма такого обращенного внутрь социальности идеального отражения деятельности, вербализованный ритуал. Только с его распадом возникнет мышление как рефлексия его осколков. Нет мышления до появления его рациональной составляющей.

Мышление - это процесс отражения человеком действительности в ее *всеобщих* законах, с точки зрения *объективной определенности отражаемого предмета*. В этом качестве мышление и развивается вслед за своим предметом, и определяет предмет в его собственном развитии. Мышление преобразует рассудок, но *мышление не возникает напрямую из рассудка*. Мышление - это рефлексия идеального, для него требуются *социальные условия общения* по поводу вещей и действий. Оно развивается из труда и преломляется сознанием в процессе *социального воспроизводства*. Идеальное не потому идеально, что иной раз существует в качестве абстрактного образа, а потому, что *всеобщее*, снимает своим содержанием единичное отношение индивида и предмета. Причем снимает в действительности, в материальной практике, а не в чьей-то голове.

Исходным отношением рассудка животных является связь «особь - биологическая среда». Исходное генетическое отношение мышления - представленность *предметного мира в формах материальной практики человека*, в системе социальных отношений. Рефлексия *меры всеобщности этой представленности* одной предметности в другой - мышление в самом широком смысле. В процессе исторического развития идеальная форма поведения, опосред-

тованная общением индивидов, приобретает особенные формы, в которых реализуется социальное бытие мышления.

Литература

1. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.
2. Цит. по кн.: Антология мировой философии: в 4 т. Т. 3. М., 1971.
3. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка: в 6 т. Т. 6. М., 1984.
4. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., Изд-во МГУ, 1994.
5. Тульviste П. Культурно-историческая природа вербального мышления / Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.А. Спиридонова, М.В. Фаликман, В.В. Петухова. М., 2008.
6. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974; Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.
7. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960.
8. Ильенков Э.В. Античная диалектика как форма мысли / Философия и культура. М., 1991.
9. Крушинский Л.В. Биологические основы рассудочной деятельности: Эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения. М., 2009.
10. Зорина З.А. Эволюция разумного поведения: от элементарного мышления животных к абстрактному мышлению человека // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований. М., 2004.
11. Зорина З.А. Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2002.
12. Зорина З.А. Возможность диалога между человеком и человекообразной обезьяной: обзор экспериментальных исследований // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка М., 2008.
13. Валлон А. От действия к мысли. М., 1956.
14. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. СПб., 2007.
15. Buhler K. The Mental Development of the Child: A Summary of Modern Psychological Theory. Roudedge, 1999.
16. Selfe L. Nadia: a case of extraordinary drawing ability in an autistic child. London: Academic Press, 1977.
17. Humphrey N. Cave art, autism, and the evolution of the human mind // Journal of Consciousness Studies, 6, 1999.

18. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1932.

19. Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М., 1980.

20. См. например Rizzolatti G. Arbib M.A. Language within our grasp // Trends Neurosci. (1998) 21. Rizzolatti G. Craighero L. The Mirror-neuron System // Annu. Rev. Neurosci. 2004.27.

21. Ильенков Э.В. Материалистическое понимание мышления как предмета логики // Философия и культура. М., 1991.